

Вырезка из газеты
ЗАРЯ ВОСТОКА

- 3 ДЕК 1953

Тбилиси

Газета №

Критика и библиография

Новая книга о Лермонтове

Кавказ, по выражению Белинского, стал родиной поэзии Лермонтова. «Демон», «Мцыри», «Герой нашего времени», «Дары Терека», «Кавказец», «Ашик-Кериб» и другие — результат пребывания Лермонтова в Грузии и на Северном Кавказе.

Источники, послужившие для написания этих произведений, явились предметом исследования рецензируемой нами книги Ираклия Андроникашвили «Лермонтов и его грузинские связи».

Рассеивая пресловутую легенду буржуазных литературных исследователей, писавших о Лермонтове, что он якобы воспитывался на традициях западноевропейской литературы, Ир. Андроникашвили на конкретном грузинском фольклорном материале доказывает абсурдность попытки этих «исследователей» подогнать под источники, послужившие для написания «Демона», произведения Байрона, Альфреда де Виньи, Томаса Мура, Мильтона.

Долгое время бытовало мнение, что «Демон» — «сугубо европейское явление» и что этот образ «печального духа» заимствован Лермонтовым у западных романтиков.

Буржуазные критики доказывали, что в «Демоне» «Кавказ использован как своего рода условная декорация, экзотическая рамка», что все действие искусственно перенесено Лермонтовым в поэтическое описание красот природы Кавказа.

Это мнение, подкреплявшееся тем, что работа над «Демоном» была начата Лермонтовым задолго до приезда его на Кавказ, не выдерживает критики.

В грузинском устном народном творчестве есть легенды и сказания в стихах и прозе, которые дают полное основание

Ираклий Андроникашвили. Лермонтов и его грузинские связи. Изд-во «Сабчота мцрალი», Тбилиси, 1953 г.

предположить, что написание Лермонтовым «Демона» есть результат глубокого изучения поэтом грузинского фольклора, быта, нравов и обычаев народа, а также личных его переживаний.

Очень близка, например, по сюжету к «Демону» записанная в 1850 году и опубликованная в газете «Кавказ» в 1888 г. осетинская легенда «Любовь Гуда». В этой легенде говорится о любви горного духа Гуда к красивой девушке Нино. Гуда оберегает Нино на прогулках в горах, он расстилает под ее ноги ковры красивых горных цветов. Но когда в пятнадцатый раз со дня рождения Нино воды Арагвы помутнели и вспенились, Нино стала девушкой такой необычайной красоты, что Гуда ради любви к ней решил обратиться в обыкновенного смертного. Но выбор Нино дает на сельского юношу Сосико — несравненного танцора и меткого стрелка. Гуда преследует Сосико: напускает на него ветры, преграждает ему дорогу горными обвалами и, наконец, доведенный ревностью до жесточества, в день свадьбы Нино и Сосико заносит снегом дом невесты и тем самым подвергает их любовь тяжелому испытанию — влюбленные разлучаются навеки.

Автор исследования приводит далее отрывки из трех грузинских народных песен и опубликованное в 1849 году в газете «Закавказский вестник» сказание «Смерть жениха в день свадьбы». Сказание это очень близко к тем главам «Демона», в которых описывается поездка жениха — «властиеля Синодала» «на брачный пир». Сулхан — сын лезгина Ибрагима — любит красавицу Фаризу. Отец Фаризы дает согласие на ее брак с Сулханом. Настает день свадьбы. В доме невесты идет подготовка к свадебному пиршеству (сравним: «Но пир большой сегодня в нем»). Приглашены родственники, друзья, соседи («На пир он созвал всю

семью»). В это же время спешит издалека на свадебное торжество и жених. С ним — родственники и друзья. Дорога приближается к концу. Лишь небольшой лес отделяет нетерпеливого Сулхана от дома невесты. Но едва он въезжает под сень деревьев, как на него нападают разбойники. Отставшие от Сулхана друзья, услышав крик, спешат на помощь. Но поздно: ограбленный Сулхан лежит в луже крови («Он кинулся... и выстрел снова. И дивный крик, и стон глухой промчался в глубине долины»).

Свадебное пиршество превращается в плач над покойником («В семье Гудала плач и стоны»). Невеста не в силах вынести горе, она удаляется в монастырь («И в монастырь уединенный ее родные отвезли»).

Большое распространение в грузинском устном народном творчестве получила тема Амირани — грузинского Прометея, прикованного к горам Кавказа.

В пятой главе второй части «Демона» мы читаем следующие строки:

«...в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух
Прикованный к пещере стонет!».

Из всего вышеприведенного становится вполне очевидным, что Лермонтов, ознакомившись глубоко с грузинским народным творчеством, облек первоначальные варианты «Демона», в которых действие происходило вне времени и пространства, в реальные географические рамки, обогатил поэму грузинскими легендами и сказаниями.

Долгое время с легкой руки Висковатова пользовалась популярностью весьма наивная история написания поэмы «Мцыри»: мол, встретил Лермонтов в Грузии

какого-то старца-монаха, рассказавшего ему историю своего пленения генералом Ермоловым, и под впечатлением этого рассказа написал поэму «Мцыри».

Автор исследования «Лермонтов и его грузинские связи» убедительно доказывает, что плод старческой фантазии монаха не мог быть принят Лермонтовым за правдоподобный факт. Как известно, Ермолов получил назначение на Кавказ в 1818 году. Первая военная экспедиция под его начальством была проведена в 1818—1820 гг. Лермонтов попадает на Кавказ в 1837 году. Спрашивается: мог ли шестилетний ребенок (год пленения — 1820) к 1837 году превратиться в старца?

«Мцыри» — это поэма о судьбе юноши, восставшего против церковно-монашеского права, против кельи-темницы, уничтожавшей все светлые стремления человека. «Темница же, по мнению Лермонтова, не только монастырь, где томится Мцыри. Темница олицетворяла весь николаевский и бенкендорфовский режим». Поэма «Мцыри» являет собою пламенный протест поэта против гнета и произвола, она звучит гимном свободе, в ней нашло свое выражение отношение Лермонтова к своей современности, в частности, к такому значительному историческому событию, как присоединение Кавказа к России.

Лермонтов понимал историческую необходимость и прогрессивное значение присоединения Грузии к России. Об этом свидетельствуют черновики «Мцыри», где рукою поэта отмечено: «Правда, Грузия находилась под властью России, но расцветала, не испытывала страха перед врагами, так как ее защищали дружеские штыки».

Безусловно, такая целенаправленная, насыщенная прогрессивными идеями поэма никак не могла ролиться под впечатлением рассказа старца-монаха. Величественная природа Кавказа, историческое прошлое грузинского народа, его судьба, так волновавшая Лермонтова, наконец, политическая ориентация поэта — вот признаки, породившие и определившие характер поэмы «Мцыри».

В поэме Лермонтова нашли также отражение сказочные образы грузинской на-

родной поэзии. Автор исследования справедливо считает, что каждый день жизни Мцыри напоминает жизнь голиафов и деви.

В грузинских народных сказаниях говорится, что в Зедазени на огромной скале жил деви, что и до сих пор еще видны ступени с отпечатками его ног.

В 10-й главе «Мцыри» мы читаем:

«Туда вели ступени скал,
Но лишь злой дух по ним шагал...».

Большое место в своей книге уделит Ир. Андроникашвили исследованию связей Лермонтова с представителями передовой грузинской общественности того времени. Не имея никаких прямых сведений об этих взаимоотношениях, располагая только произведениями, написанными под впечатлением пребывания на Кавказе, и письмом к Раевскому, Ир. Андроникашвили, пользуясь способом исследования, при котором частные положения выводятся из общих суждений, приходит к вполне логическим, вероятным выводам.

Известно, что Лермонтов не знал грузинского языка. Безусловно, познакомиться с отдельными произведениями грузинского фольклора могли и проводники и попутчики в дороге, знавшие грузинский и русский языки. Но таких в то время было мало.

Однако возникает вопрос: мог ли остаться незамеченным приезд на Кавказ поэта, заклеившего убийцу великого Пушкина — царское самодержавие?

Мог ли остаться незамеченным приезд поэта, имя которого в несколько дней стало известно во всех уголках тогдашней Российской империи?

Конечно, нет.

В то время на Кавказе находились посланные сюда декабристы. Некоторые из них были знакомы с Лермонтовым и, что удостоверено прямыми сведениями, были знакомы также с переловыми поэтами и общественными деятелями Грузии того времени.

Вполне естественно предположение исследователя, что Лермонтов, находясь в Грузии, посещал дом поэта Александра Чавчавадзе. Там Лермонтов мог изучить быт и нравы грузинской семьи, получить

помощь в изучении грузинского народного творчества.

Необходимо отметить здесь же существенную поправку, вносимую Ир. Андроникашвили в исследование И. Ениколопова «Лермонтов на Кавказе». И. Ениколопов утверждает, что во время пребывания Лермонтова в Грузии некий Мамед Али, считавшийся самым образованным мусульманином, помогал Лермонтову в переводе азербайджанских сказок на русский язык и давал поэту уроки азербайджанского языка.

На основе архивных материалов Ир. Андроникашвили доказывает ошибочность этой версии и утверждает, что «некий Мамед Али» — не кто иной как Мирза Фатали Ахундов, образованнейший человек, просветитель, драматург, поэт, начавший свою большую творческую деятельность в Тбилиси во время пребывания Лермонтова в Грузии. Мирза Фатали Ахундов написал на смерть Пушкина стихотворение, полное скорби, горечи и негодования. После лермонтовского стихотворения, посвященного гибели Пушкина, стихотворение Ахундова, написанное на ту же тему, считалось лучшим. Конечно, не могли Лермонтов и Ахундов не встретиться в Тбилиси, не познакомиться. И не вызывает сомнения обоснованное предположение Ир. Андроникашвили, что именно только Мирза Фатали Ахундов, великолепно владевший русским языком, мог переводить Лермонтову азербайджанские сказки и обучать его азербайджанскому языку.

Новое исследование Ир. Андроникашвили «Лермонтов и его грузинские связи» является шагом вперед в изучении биографии Лермонтова, в установлении источников, послуживших великому русскому поэту для написания произведений, относящихся к последнему периоду его жизни.